

РАЗБОЙНИКИ

ЧЕРНАГО ЛѢСУ.

Переводъ съ Французскаго.

МОСКВА, 1803.

Въ привилегированной Типографіи

Кряжева, Готье и Мей.

Съ дозволенія
Московской Цензуры.

РАЗБОЙНИКИ

ЧЕРНАГО ЛѢСУ.

Второго года въ мѣсяцѣ Флорелѣ, достигъ я той части Швабіи, которая простирается вдоль по теченію Дуная, и вообще извѣстна подъ именемъ *Чернаго Лѣсу*. Время было прекрасное; солнце въ полномъ сіяніи изливало лучи свои, и пары восходящіе изъ земли, подобно облакамъ шумана, поднимались къ небу. Покрытый потомъ и выбившись изъ силъ, я вошелъ въ гущину сего дремучаго лѣсу, чтобы отдохнуть подъ сѣнью древя-

го дуба. Упоминившись отъ дороги, едва началъ я засыпать, какъ вдругъ услышалъ въ пятидесяти шагахъ позади себя тихой шорохъ листьевъ. Я оборотился, и увидѣлъ престарѣлаго челоуѣка, тихо проходящаго мимо, и погруженнаго въ глубокую задумчивость. Чело его покрыто морщинами, его густыя нахмуренныя брови, сѣдые волосы, впалые глаза, его фizioномія, хотя суровая, но открытая и величественная — все сіе привлекло мое вниманіе: высокой станъ, нѣсколько согбенной, важная походка, видъ нѣкотораго величія, распространяющійся во всѣхъ его поступкахъ — произвели въ душѣ моей нѣкоторой страхъ и почтительное уваженіе.

Какъ я съ своей стороны сдѣ-
лааь нѣкоторое движеніе , чтобы
подойти къ нему , то и старикъ
также приблизился ко мнѣ ; но
вдругъ , подобно устрашенному че-
ловѣку , кошорой убѣгаетъ опъ взо-
ровъ себѣ подобнаго , онъ желалъ
скрыться опъ меня въ густотѣ
лѣса . Чрезвычайно удивившись та-
кому странному поступку , я спѣ-
шу за нимъ , не теряя его изъ глазъ .
Онъ останавливается ; я подошелъ
къ нему , и побуждаемый внутрен-
нимъ нѣкоторымъ чувствомъ , на-
чалъ разговоръ : „Почтенной не-
„знакомецъ , сказалъ я ему , естли
„присутствіе мое для васъ тяго-
„стно , то я прошу простишь мо-
„ему , можетъ быть , неблагоразум-
„ному любопытству ; любовь и до-

„Вѣренность къ челоѳчеству про-
 „извели его въ душѣ моей; скажи-
 „ше мнѣ, здѣшной ли страны вы
 „жишель. или я имѣю щастіе го-
 „ворить съ однимъ изъ моихъ со-
 „гражданъ ? Я Французъ. „ Онъ
 взглянулъ на меня, и отвѣчалъ мнѣ
 худымъ Французскимъ языкомъ, —
 голосомъ холодной учтивости. —
 „Германія мое отечество; я родил-
 „ся въ одной изъ ея деревень, и
 „нѣсколько времени путешествовалъ
 „въ странахъ вашихъ. „ Потомъ,
 какъ будто пораженный страхомъ
 и изумленіемъ, онъ спросилъ меня
 съ безпокойствомъ. „Извѣстны ли
 „вамъ сіи ужасныя мѣста. Не ду-
 „маете ли вы, что можете быть
 „здѣсь въ безопасности. Или вы
 „не страшитесь ничего въ сей ди-

„Кой пустынь?“, Глубокой вздохъ
 вырвался изъ груди его, онъ про-
 должалъ: „Ахъ! и такъ вы не
 „знаете того роковаго, пагубнаго
 „произшествія, случившагося про-
 „шедшею зимою въ этомъ лѣсу!
 „Бѣгите, послушайте меня, бѣгите
 „отсюда; никто безъ ужаснаго на-
 „казанія не можетъ быть здѣсь.„ —
 А вы останешесь здѣсь, сказалъ я?
 „Да, мнѣ нечего бояться: жизнь
 „для меня несносна.„ — Пойдемте
 отсюда вмѣстѣ, и вы расскажите
 мнѣ объ этомъ неизвѣстномъ про-
 изшествіи. — „Не могу; не могу
 „перзашь души моей новыми му-
 „ченіями.„ Я удвоилъ прозьбы мои;
 онъ сомнительно смотрѣлъ на меня:
 мое удивленіе изображалось въ мо-
 ихъ взорахъ; мой голосъ прерывал-

ся — Онъ понялъ меня — и мы по-
шли опшуда.

Идучи тихо, я изъяслялъ ему
мое желаніе узнать чрезвычайную
его горестъ. Я горѣлъ неперпѣннѣ-
емъ услышать испорію, которая
казалась мнѣ очень важною — и при-
шомъ столь нужною въ моихъ об-
стоятельствахъ, что я долженъ
былъ спараться узнать объ ней.

„Пойдемъ, сказалъ онъ мнѣ, къ по-
„домвѣ этого холма, которой вы
„шамъ видите. Мы сядемъ въ шѣни
„его. Желаніе, съ которымъ хо-
„шите вы узнать судьбу нещасп-
„наго спарца, принуждаетъ меня
„удовлешворить вамъ. Такъ! я раз-
„скажу вамъ ужасную повѣсть, отъ
„которой пренещепъ каждой Гер-
„манецъ.„

Мы сѣли; и онъ помолчавъ нѣсколько минутъ, подобно человѣку, кошорой спарается что нибудь вспомнить, началъ говорить шакимъ образомъ :

„Пятнадцать уже лѣтъ тому, какъ я, лишившись супруги, и шрое дѣшей моихъ (два сына и одна дочь) обрабольшивали небольшое поле, и чрезъ то едва могли питаться честнымъ образомъ. Смерть супруги, кошорую я обожалъ, поселила меня въ нѣдрѣ моего семейства; — уединеніе, кошорое дѣлало меня задумчивымъ и печальнымъ, и возобновляло всегдашнюю мою горестъ; — скука, кошорой несносное бремя начинало угнешать меня, — все сіе требовало утѣшителя — нѣжнаго друга; но я не сыскалъ его; онъ

самъ пришелъ ко мнѣ — и я прижалъ его къ моему сердцу.

„Удалившись изъ внушенности Германіи — наскучивъ жить въ городахъ, утопленной ихъ шумомъ — гонимой своими непріятелями — презрѣнной вѣроломными друзьями, онъ рѣшился навсегда оставить Свѣтъ: онъ удалился въ то мѣсто, гдѣ было мое жилище, я увидѣлъ его — говорилъ съ нимъ — Долго находились мы вмѣстѣ, и произнесли обѣщъ вѣчнаго дружества.

Тогда спала свинцовая тяжесть съ моего сердца; — тогда увидѣлъ я, что Небо послало сего незнакомца усладить горестъ уединенной моей жизни, я сдѣлался веселъ. Дѣти мои желали знать причину сей переменны; они прыгали отъ

радости ко мнѣ на шею, видя въ первой разѣ улыбку на устахъ своего родителя — въ первой разѣ съ тѣхъ поръ, какъ судьба лишила ихъ матери. Всякой день я посѣщалъ незнакомца, когда самъ онъ въ этомъ не предупреждалъ меня.

Однажды по вечеру, на дорогѣ, находящейся подлѣ дому его, онъ крѣпко прижалъ меня къ груди своей, — лице свое къ моему лицу, и орошалъ его слезами. Тогда вскричалъ онъ: „Наконецъ я нашелъ человека! — И вѣрнаго друга, опвѣчалъ я. „

Мы жили въ совершенной неизвестности — позабыли о прошедшемъ несчастливомъ времени; наслаждались настоящимъ, не думая о будущемъ, котораго неизвѣст-

ность наполняетъ горестію душу человека. Любя также, какъ и я, дѣшей моихъ, онъ часто съ жаромъ говорилъ, что дочь моя ангелъ красоты. Когда нѣкоторыя работы, или нужды удерживали меня въ полѣ, онъ занималъ мое мѣсто среди моей фамиліи, и когда мы были вмѣстѣ — тогда не лѣзя было узнать настоящаго отца.

Его сердце было справедливо и добродѣтельно, душа его велика и благородна; съ самаго младенчества онъ испытывалъ несчастія. Будучи свѣдуецъ въ познаніи свѣта и людей, проникнувъ въ ихъ вѣроломство, бывъ жертвою ихъ коварныхъ хитростей — онъ спрашивалъ только того, чтобъ не быть принужденнымъ жить опять съ ними вмѣстѣ.

Всякой день говорилъ онъ : „Другъ
 „мой! — Любезной братъ! — Какъ
 „бы щасливъ я былъ — какъ бы я
 „благодарилъ Бога, естлибъ Онъ
 „позволилъ мнѣ умереть въ швоихъ
 „объятіяхъ. Пусть мирное спокой-
 „ствіе, которымъ мы наслаждаемся
 „еще болѣе умножитъ наше бла-
 „женство! Одно желаніе моего серд-
 „ца есть то, чшобы жить съ то-
 „бою. „ Слезы лились изъ глазъ
 его, — и я опвѣчалъ : „Будемъ
 „жить, любезной другъ; будемъ
 „жить, и умремъ вмѣстѣ; дѣши
 „мои примутъ послѣдній вздохъ
 „нашъ. „

Такъ прошекали дни наши, ис-
 полненные щастія, которому ничто
 не могло равняться. Печаль казалась

намъ сношеніе — радости восхищеніе.

Однажды Горбакъ (такъ назывался другъ мой), не пришелъ ко мнѣ. Воображая себѣ, что конечно какія нибудь необходимыя дѣла задержали его, я съ неперифальвостію ожидалъ слѣдующаго дня. Нѣтъ моего друга! Я взялъ просты, положилъ въ карманъ книгу, и пошелъ къ нему; я не нашелъ никого въ его домѣ. Безпокойство начинало раждаться въ душѣ моей. Однако я рѣшился подождать нѣсколько минутъ, и спалъ чисташъ. Прошло чепыре часа! Неизвѣстность устрашала меня; я возвратился въ свое жилище — нѣтъ никакого извѣстія о Горбакѣ. Пораженный симъ случаемъ, я послалъ старшаго моего

сына навѣдашься въ деревнѣ и ближнемъ городѣ, куда онъ пошелъ.

Я полагаю навѣрное, что этогъ человекъ, вмѣсто того, чтобы находиться въ многолюдныхъ селеніяхъ, убѣгалъ отъ всѣхъ взоровъ — и что онъ былъ совсѣмъ неизвѣстенъ тамъ, гдѣ я старался объ немъ развѣдывать. Въ самомъ дѣлѣ мой сынъ прибѣжалъ весь въ поту, и запыхавшись; онъ сказалъ мнѣ, что всѣ его поиски были тщетны. Тогда горькія слезы полились изъ глазъ моихъ — я оплакивалъ друга, котораго лишился.

Три мѣсяца прошло послѣ горестнаго приключенія: я почиалъ друга своего умершимъ, и охотно желалъ бы его участи, естлибъ обязанности отца къ дѣтямъ сво-

имъ и любовь ихъ не заславили меня щедрыми оцщастїи ихъ, и казаться спокойнымъ среди моего семейства: я былъ увѣренъ, что дѣши мои были бы неутишны, когда бы видѣли горестъ своего родителя; и для того я казался довольнымъ и веселымъ. Ласки ихъ умножались, прилѣжность къ прудамъ возрастала, дѣшская ихъ любовь проникала во глубину души моей; они плясали отъ радости при оцщѣ своемъ — и я плашилъ за ихъ горячность родительскою нежностью. До сихъ поръ я былъ еще довольно щастливъ, я осмѣливался еще наслаждаться благополучїемъ, какъ вдругъ люшая судьба разшерзала сердце мое, открыла опять жестокою рану мою, и вонзила смертоносное желѣзо въ

грудь старца стоящаго уже на краю гроба. Правосудный Боже! и такъ эшо истина, что не одно шолько бѣдствіе постигаетъ насъ. Ужасная истина, сколь она несносна! Какой оспрой, убивающій кинжалъ для чувствительнаго человѣка.

Въ одну прекрасную лунную ночь, я мучимый ужасными сновидѣніями, которыя, лишали меня покою, вскочилъ поспѣшно и пошелъ въ садъ. Когда заря начала заниматься, я позвалъ Цефизу, мою дочь; я приказалъ ей ийти скорѣе въ городокъ Ринсельдъ (*), чтобы отнесеть ту-

(*) Одинъ изъ четырехъ пограничныхъ крѣпостей въ Германіи, при входѣ въ Чернойльсѣ.

да вещи, въ которыхъ тамъ имѣли чрезвычайную нужду. Два брата ея встали также очень рано, и спѣшили работать.

Цесфиза не приходила назадъ? Что ее задержало? Гдѣ она теперь? Что съ нею сдѣлалось? Безполезныя исканія, тщетная горестъ, позднее раскаянiе въ моемъ приказанiи, чрезвычайное безпокойство, смертельной страхъ объ участи любезной моей дочери — всѣ ея чувства возмущали, — терзали мою душу. Въ чрезвычайной горести казалось мнѣ, что я скоро паду подъ бременемъ моихъ злополучій — и въ сей надеждѣ я ожидалъ съ радостію смерти, такъ какъ благодѣянiя. Сыновья мои, которые также сокрушались по потерѣ сесипры своей —

пщешно хотѣли меня ушѣшить, — пщешно хотѣли осушить слезы мои. Каждой вечеръ я удалялся въ темную роццу. Тамъ произносилъ имя моей дочери, шамъ съ воплемъ призывалъ Цесфизу; ппицы, летающія вокругъ, не внимали моимъ спенаніямъ, унылые крики ихъ заглушали слабой голосъ старца! Эхо, одно эхо повшоряло имя моей Цесфизы.

Возвратившись въ печальную хижину, я бросался на постель моей дочери — и проливалъ горькія слезы. Я смотрѣлъ на ея плашье, перебиралъ ея вещи, и сіи предметы, умножая жесточайшую скорбь души моей, напоминали отца, что у него нѣтъ больше дочери. Ничто не могло разсѣять моей горести — истребить снѣдающей тоски. Однако въ чрез-

вычайныхъ несчастійхъ самая печаль была иногда сладостна моему сердцу; надежда, что скоро мои бѣдствія прекращаяся, слѣдовала за чувствами скорби, и смерть со всѣми ея ужасами ни мало меня не успрашала.

Мы были въ войнѣ съ вашими Патріотами. Безчисленные проигранные сраженія поколебали пронѣ Императора. Онѣ хотѣлъ на все отважиться — и новыми покушеніями вознаграждать чрезвычайные свои уроны. Оба сына мои — вся надежда моей старости были въ состояніи носить оружіе. Я прещепалъ объ ихъ участи; я содрогался отъ опасности, копорымъ я еще подвергался, — и копорыя непременно должны были меня постигнуть. Ис-

полнилось, чего я спрашился: — дѣши мои должны были служить опечеству. Я спѣшу къ врагамъ Судилища, прозѣбы мои были выслушаны; прѣбованія мои признаны справедливыми; — но люди были необходимо нужны — и сравнивая услуги, которыя дѣши мои могли оказать опечеству, служба въ арміи съ пою пользою, которую могъ я получить опѣ нихъ живя въ деревнѣ, они по справедливости предпочли обществѣнные выгоды смерти прѣспарѣлаго чѣловѣка.

Однакожѣ я не буду негодовать на сей жестокой поступокъ, опечество мое шамъ, — всякой чѣловѣкѣ долженъ внимать его гласу, я совершилъ свое печеніе. Я готовлюсь оставить жизнь, не смотря

на все это, отецъ всегда отецъ; и когда намъ должно было различиться, я былъ въ отчаяннѣи; бѣдное сердце мое было такъ растерзано, что я лишился чувствъ.

— Можно ли изобразить горестъ мою? — Различныя чувства, которыя я долженъ былъ испытать, пришедши въ себя: не сонъ ли это былъ? Ахъ! нѣтъ. Они въ самомъ дѣлѣ уѣхали. Жестокіе! возопилъ я, они меня оставили, съ варварскимъ безчеловѣчїемъ оставили они отца своего. Но чрезъ минушу говорилъ я самъ себѣ: нѣтъ, они не жестокосерды. Честь — слава зовутъ ихъ; исполненные мужества летятъ они на поле Марсово; рѣшившись вездѣ опправлять щательно свою должность. По крайней мѣрѣ, естълибъ

они возвратились побѣдителями, увѣнчанные лаврами, — возвратились закрыть мои вѣжды — тогда бы я умеръ спокойно. Вы французъ, но вы просните мнѣ слабой останапокъ, угасающую искру пламеннаго нѣкогда Патріотизма, которой еще и шеперь меня объемлетъ. Всякой человекъ при самомъ рожденіи обязывается свято чтить и защищать законы своего опечесства, и я не сомнѣваюсь, что и вы тоже чувствуете.

Среди Чернаго лѣса, со стороны деревушки, которую вы видите на высотѣ сихъ полей, есть пещера, которая простирается подъ землею на пять сотъ шаговъ. Огромные столбы камней, соединенныхъ самою природою въ печеніи многихъ лѣтъ,

поддерживающѣ тяжестѣ земли , всегда готовой обрушиться. Самой неустрашимой человѣкъ не можешь безъ трепета взирать на ужасные камни, висящіе во внутренности сей пещеры. Великія груды маленькихъ острыхъ кремней , кажется, заграждающѣ входы, и подвергаютъ опасности жизнь неоспорожныхъ путешественниковъ , которымъ неизвѣстенъ гибельной путь сей: чрезъ расщелины, находящіяся въ разныхъ мѣстахъ , и простирающіяся до самаго дна пещеры, можно слышать малѣйшій подземельный шумъ. Гробовые свѣтильники озаряютъ сіе жилище мрака и смерти.

Прѣжде войны шайка разбойниковъ, скрываясь въ семъ мѣстѣ; укрѣпила оное двумя полисадами. Они

Окружили его частымъ кустарникомъ, кошорой скрывалъ пропасть сію отъ взоровъ человѣческихъ, такъ что нѣсколько разъ случалось Германцамъ ипши мирно надъ пещерою, не помышляя, что около десяти шаговъ подъ ними ожидала ихъ люпая смерть. Въ два сдѣланные тамъ прохода скрывались всегда разбойники отъ преслѣдующихъ воиновъ. Когда нападали на одну спорону, они убѣгали безъ шуму, и укрываясь въ безчисленныхъ пущахъ, они до сего времени обманывали всякое стараніе сыскать ихъ.

Въ сію-то страшную пропасть низвергся мой другъ несчастный Горбакъ; сія ужасная пещера, могила мерпивыхъ, погибель живыхъ, заключила милую мою Цесфизу. Ахъ! поз-

вольше мнѣ отдохнуть на минушу, — чтобы мои слезы облегчили спѣсенное мое сердце.... Какъ несносно для меня рассказывать вамъ сію повесть!..... Пяць преступниковъ, кошорые, освободясь ошъ оковъ, сокрылись изъ темницы, — кошорые, будучи извержены изъ общества, поклялись разрушать его; и чтобы избѣжать казни, они прибѣгнули къ великимъ злодѣйствамъ, и храбро овладѣли Чернымъ лѣсомъ.

Тупь производили они ужасныя разоренія и грабительства; тамъ умерщвляли, терзали и изувѣчивали путешественниковъ и сосѣдственныхъ жителей. Каждой день оскверняли новыми беззаконіями. Тщешно хотѣли истребить ихъ; скорая, неизбежная смерть постигала дерзно-

веннаго, которой не имѣлъ долго-временнаго опыта, котораго мужество не было предводимо оспорожностію. За нѣсколько лѣтъ сіе мѣсто было очищено добровольнымъ наборомъ, бродяги предпочли добычи войны разбойничеству, не слышно было о убійствахъ. Уже окружности не такъ были пусты, и сосѣдствєнныя деревни населялись болѣе. Всѣ спокойно спали въ своихъ жилищахъ, не чувствовали болѣе ужаса отъ рассказываемыхъ злодѣяніяхъ, учиненныхъ въ прежнія несчастныя времена. Мирное спокойствіе заступило мѣсто всеобщаго страха, странникъ безопасно путешествовалъ на поляхъ во время ночи, и днемъ спокойно отдыхалъ подъ тѣнію нашихъ деревъ. — Убійцы,

копорыхъ казнь успрашала тѣмъ менѣе, чѣмъ далѣе казалось опсто-яла отъ нихъ, выбрали себѣ начальникомъ челоуѣка, мало знающаго свое дѣло. Они повиновались ему, какъ солдаты своему Генералу. Многимъ убійствамъ и грабежамъ не допустила совершиться сѣя покорность. Его смѣлость не столь была опчаянна, его мужество не столь люшо; его швердосшь, никогда почти непоколебимая, удерживала и успрашала его сообщниковъ; его видъ показывалъ разбойника, но онъ имѣлъ характеръ челоуѣка, рожденнаго для лучшей и не столь гнусной должности.

Онъ былъ молодой, благородной челоуѣкъ, котораго развратное поведеніе раздражило его родителей,

И принудило ихъ изгнать его изъ отеческаго дому. Безъ денегъ, безъ сосноянїя, лишенный всякаго пособїя, онъ пошелъ въ военную службу, и принялъ въ конной полкъ. Тамъ поссорившись съ однимъ Офицеромъ, онъ закололъ его, вызвавъ на поединокъ; спрашась лишиться головы, онъ убѣжалъ изъ своего корпуса. Не имѣя уже прежнихъ средствъ, онъ поступилъ такъ, какъ очень часто въ такомъ случаѣ поступають, онъ началъ воровать, пойманъ, осужденъ на галеру, и убѣжавъ опшуда, сдѣлался славнымъ *Родернодомъ*, атаманомъ сихъ разбойниковъ.

Вдругъ приносятъ жалобы, что пропадаетъ скотъ и люди, но ужасъ объялъ только робкїя сердца; ни мало еще не думаютъ о причинѣ не-

щастїя, умножающагося всякой день
чрезвычайнымъ образомъ. Никто да-
же не хотѣлъ вѣрить безчисленнымъ
ложнымъ рассказамъ, которые толь-
ко питають и умножаютъ безпо-
койство. Въ сію-то роковую мину-
ту любезной мой Горбакъ, въ одинъ
прекрасной вечеръ пришелъ къ Чер-
ному лѣсу — Нещастный! Онъ по-
коился на зеленой муравѣ; крошкой
сонъ посѣтилъ его вѣжды; прелест-
ныя мечты, перенося его на кры-
льяхъ воображенія въ неизвѣстныя
поля Елисейскія, наполняли душу
его мирнымъ удовольствіемъ. Сла-
достное восхищеніе очаровало, нѣ-
жно плѣнило его сердце, умѣряя бы-
строгу парящаго воображенія, и
тихой сонъ укрѣплялъ его силы;
какъ вдругъ два разбойника успре-

мляются на него съ пистолями, держа во рту кинжалы. Горбакъ пробуждается, уснаряется на нихъ взоръ свой, вскрикиваетъ отъ ужаса, и падаетъ безъ чувства къ ногамъ сихъ злодѣевъ, которые влекутъ его въ адскую свою пещеру. Они хотятъ умершвить его, Родернодъ тому противится, онъ позволилъ только его сковать.

Нещастный, изнемогающій. Горбакъ тщетно старался подкрѣпить свои слезы. Въ ужасѣ едва осмыслился онъ взирать на сіи мѣста, и первые предметы, представившіеся взору его, были два разперзанные трупа, не много далѣе опорванные руки, и ти и опрубленные головы. Кровь оледѣла въ жилахъ его, онъ съ шрепешомъ опступаетъ на-

задѣ. Онѣ видѣтъ, что ему должно итти чрезѣ груди человѣческихъ труповѣ. Одинѣ убійца, издѣваясь надѣ его ужасомѣ, подноситѣ ему стаканѣ водки, смѣшанной сѣ дымящеюся кровію. Горбакѣ отвращается сѣ трепетомѣ, и отпалкиваетѣ рукою сей адской напитокѣ.

Между тѣмѣ другіе варвары пьянствовали чрезвычайнымѣ образомѣ, и пѣли самыя мерзостныя, развратныя пѣсни. Наконецѣ вино побѣдило ихѣ. Они всѣ повалились безѣ памяти, и ужасно храпѣли въ своей могилѣ. Прежде своего пиршества они призывали одного разбойка, котораго должно было караулить, скоро перемѣнялась очередь; но чаще выходили они всѣ вмѣстѣ.

У сихъ варваровъ не было женщинъ — Родернодъ говоритъ имъ : „Друзья мои! мы наслаждаемся пріятнѣйшими удовольствіями, не правда ли? Но самое лучшее отъ насъ убѣгаетъ. „ Вдругъ загремѣлъ ужасной голосъ въ пещерѣ : „Женщина! женщина! „ —

Между шѣмъ, какъ мой злощасливой другъ, спеная подъ бременемъ жестокой участи, — въ отчаяніи желалъ освободиться изъ оковъ — и вырваться изъ сей ужасной пропасти, — чудовища на разсвѣтѣ схватили на большой дорогѣ бѣдную дочь мою. Они шоржественно несли ее на рукахъ, и угрожали предать ее смерти, естли она испуститъ хотя малѣйшій крикъ. Цефиза въ безпамятствѣ, съ рас-

шрепанными волосами и почти мертвая, сходящъ въ подземелье. Смердъ шруповъ захватываетъ ея' дыханіе, она упадаетъ въ обморокъ. Одинъ варваръ, воспламеняемый исисовой страстію, хотѣлъ воспользоваться оскорбишь ея стыдливостъ; но строгимъ голосомъ Родернодъ остановилъ его, кошорой хотѣлъ, чтобы всѣ имѣли почтеніе, къ его особѣ, и привудилъ разбойника пожиратъ только взорами прелески невинной Цефизы.

Какое зрѣлище для несчастнаго Горбака, когда увидѣлъ онъ молодую красавицу, погребенную въ нѣдрѣ сихъ пещеръ, и готовую сдѣлаться жертвою гнусныхъ разбойниковъ, которые стремились насытитъ надъ нею свою жестокостъ

и звѣрское сладострастіе? Какъ изумился онъ, когда по голосу узналъ дочь своего друга — узналъ любезную Цефизу! . . . О солнце! какъ могло ты озарять въ сей день смертныхъ? Какъ могло ты взирать на такія злодѣянія? . . . Нѣтъ! я заблуждаюсь: надгробные факелы затмѣваютъ твое сѣянiе, и мѣрцающей свѣтъ ихъ увеличиваетъ ужасъ предстоящей смерти! . .

Цефиза открываетъ глаза, приходитъ мало по малу въ чувство; обращая повсюду смущенные взоры, она видитъ Горбака, стенающаго въ цѣпяхъ, называетъ его по имени, хочетъ говорить съ нимъ, и чрезвычайное изнеможеніе лишаетъ ее всѣхъ силъ. Родернодъ примѣчаетъ, что они знаютъ другъ друга, и по-

велѣваетъ одному варвару различить ихъ. Она готовилась къ смерти, она видѣла ее предстоящую со всѣми ужасами! — Она видитъ уже тѣ лютыя мученія, которыя должно ей перенести. Наконецъ возсылая мольбы къ Небесамъ, она ожидаетъ исполненія воли Всемогущаго. Горбакъ съ своей стороны, пораженный ужасами смерти, тщетно умоляетъ о жизни, тщетно проситъ онъ варваровъ освободить ее изъ сего адскаго жилища; тщетно устремлялся онъ броситься на ихъ кинжалы, чшобъ прекратить мучительную жизнь свою. Свирѣпое ихъ презрѣнїе, притворное состраданіе медлительно управляли душою его убивающимъ ядомъ.

Однако время и необходимость

уменьшили ужасъ его, даровали ему нѣкошорую смѣлость. Лучъ надежды озарилъ его душу, онъ думалъ, что своимъ терпѣнiемъ сохранитъ жизнь свою, и исторгнетъ Цезфизу изъ сей ужасной могилы. Онъ примѣтилъ меньше жестокости въ Родернодѣ, нежели въ другихъ его сотоварищяхъ. Онъ даже видѣлъ, что злодѣйства имъ производимыя были чужды его сердца. Эпотъ ашаманъ во всемъ похожъ былъ на своихъ сообщниковъ, но сверхъ того былъ уменъ и распоренъ. Горбакъ, презирая жизнь свою, не видитъ никакихъ средствъ сохранить ее. Твердость его опять возвращается, и онъ осмѣливается начать съ Родернодомъ слѣдующій разговоръ :

„Ужасной разбойникъ сихъ мѣстъ,
 „ты, которой безспыдно предпо-
 „читаешь твои жестокоствя чест-
 „нымъ поступкамъ; не думаешь ли
 „ты, что твои злодѣйства оста-
 „нутся навсегда безъ наказанія?
 „Не думаешь ли ты наслаждаться
 „всегда плодами твоихъ разбо-
 „евъ? Не спршишься ли ты каз-
 „ней, опредѣленныхъ злодѣямъ? Не-
 „преспанное, угрызающее воспо-
 „минаніе о беззаконіяхъ не будетъ
 „ли терзать души твоей? Сіе
 „врожденное чувство, отличающее
 „съ толикою поспѣшностію добро
 „отъ зла, и которое мы называемъ
 „совѣстію, оставишь ли себя на
 „минушу въ покоѣ? Сіе правосу-
 „дное Божество, сіе Существо, на-
 „граждающее добрыхъ, и мстящее

„злымъ, котораго мысль приводитъ
 „тебя въ трепетъ, не смотря на
 „всѣ твои усилія, съ которыми ты
 „стараясь отвергнуть Его, и
 „заглушишь чувства твоего суще-
 „ствованія; Богъ не удержитъ ли
 „беззаконной руки твоей? Гласъ
 „собственнаго сердца твоего, ко-
 „торое стараешься ты сокрыть
 „подъ мрачною завѣсою, и ожесто-
 „чить его безбожіемъ и ужасными
 „злодѣянїями, не вопіетъ ли про-
 „шивъ тебя тайно? Не обвиняетъ
 „ли, не казнитъ ли тебя непре-
 „станнымъ воспоминанїемъ ужасныхъ
 „злодѣйствъ, приводящихъ въ тре-
 „петъ природу? Послушай, позволъ
 „мнѣ, хотябы ты чрезъ тысячу
 „твоихъ безчестныхъ дѣяній со-
 „дѣлался стыдомъ рода челове-

„Скаго ; но еще есть время припши
 „вЪ себя. Оставь сїю одежду ;
 „выйди изЪ сей пещеры и спѣши
 „повергнись въ объятїя общеспва,
 „не для того, чтобы устрашать
 „новыми злодѣянїями, но чтобы
 „удивишь его неусыпнымЪ стара-
 „нїемЪ въ похвальныхЪ дѣлахЪ , и
 „заслужишь всегдашнее его уваже-
 „нїе. „

— „Постой ! со мной ли ты
 „споль дерзко говоришь ! Ты, ко-
 „торой спенаешь въ моихЪ оковахЪ ;
 „ты, котораго однимЪ словомЪ мо-
 „гу преобратить въ прахЪ ! Ты дер-
 „заешь такЪ гордо говорить со
 „мною. Знай, что РодернодЪ не
 „привыкъ къ такой смѣлости и не-
 „сноснымЪ грубостямЪ , и мои благо-
 „дѣянїя для невольника. „ . . . Твой

благодѣянiя! умертви меня, и я ихъ узнаю. — „Такая дерзость уди-
 „вишельна. Я признаюсь, что есть-
 „ли бы ты казался мнѣ и менѣе пвер-
 „дымъ, менѣе бы уважалъ себя;
 „но какъ ты дерзаешь приписывать
 „мнѣ такiя похвалы, по я дол-
 „женъ дать отчетъ на каждое
 „слово.

„Ты хочешь, чтобъ я работалъ;
 это средство изнѣжить меня. Ра-
 бота свойственна подлымъ душамъ;
 но мнѣ она неприлична: я не уни-
 жу себя сполько, чтобъ ползати
 изъ пропитанiя. Я признаю право
 равенства между людьми; но я ви-
 жу, что оно нигдѣ не суще-
 ствуетъ, — и что много есть бога-
 тыхъ, бѣдныхъ еще болѣе. Я вижу,
 что большая часть сихъ послѣднихъ

умираетъ отъ голода съ хорошимъ намѣреніемъ жить; они потибаютъ отъ недостатка въ деньгахъ, которыя бы могли удовлетворить ихъ нуждамъ. — Ну, почему ты мнѣ столько хорошо говоришь о справедливости своего Бога; я вижу что Онъ къ однимъ милосердъ, а къ другимъ золъ, несправедливъ. Напримѣръ: Онъ даетъ первымъ сто тысячъ ливровъ дохода, а другихъ повергаетъ въ ужасную нищету; однихъ надѣляетъ красою, а другихъ безобразіемъ; нѣкоторымъ даетъ силу и вѣрпкое сложеніе тѣла, а другихъ изувѣчиваетъ жесточайшимъ образомъ. Они подвержены всей наглости гордыхъ богачей; которые сидя въ великолѣпной колесницѣ, наемѣхающа съ презрительнымъ вы-

сокомърїемъ надъ дряхлымъ старцемъ , покрытымъ рубищемъ. Сидя въ своихъ чертогахъ на позлащенныхъ креслахъ , плаваютъ въ морѣ сладострастныхъ удовольствїй ; за пышнымъ столомъ питаются драгоценнѣйшими яствами , и пьютъ самыя дорогїе напитки , въ то самое время , какъ другой сїенаепъ въ жестокой судьбѣ своей , которая принуждаетъ его посреди многочисленнаго семейства , осужденнаго раздѣлять съ нимъ ужасную бѣдность и ѣсть черной хлѣбъ , орошаемый горькими слезами. Одинъ покоится на великолѣпной мягкой постелѣ , а другой ложится на связкѣ соломы.

Жестокія болѣзни удручаютъ болѣе сего послѣдняго , пошому чинѣ

онъ терпитъ во всемъ чрезвычайной недоспашокъ. Богачи осыпающъ золотомъ гнусныхъ людей, а бѣдному и въ одной мѣлкxй монетѣ отказываютъ, и надмѣнный богачъ, взирая на погибающаго спрадальца, говоритъ съ язвительною насмѣшкою, при послѣднемъ его издыханіи: Теперь онъ щасливъ! Однимъ словомъ, я не примѣчаю никакого порядка въ томъ, что ты называешь гармоніею вселенныя, и еслилибъ существовалъ Богъ твой, тогда нашель бы я милліоны причинъ Его ненавидѣть. „

— „Какъ худо ты знаешь чело-вѣческое сердце! Не скажутъ ли, что ты заблуждаешься въ ложныхъ мнѣніяхъ другаго, когда ты позволяешь ложной, блестящей наружно-сти ослѣплять глаза свои? Нѣтъ,

ты не думаешь, что твои доказательства столькожъ слабы, сколько и заблужденія твои опасны. Ты воображаешь, что богатства Вельможъ составляютъ все ихъ благополучіе, не помышляя сколько они несправедливы и надмѣнны! Конечно ты прельщаешься ложнымъ весельемъ, которое сіяетъ среди великолѣпныхъ торжествъ; но удовольствіе бѣднаго и трудолюбиваго человека есть истинное удовольствіе. — Чтобы увѣришься въ это, должно предсавить и сравнить двѣ сѣи противныя стороны; тогда увидишь ты, что за чрезмерною радостію всегда слѣдуетъ тоска угнетающая, и что за минушою удовольствіемъ спѣшатъ цѣлые дни мученія. Тогда узнаешь,

что печаль пресыщенного богача ни съ чѣмъ не можеть сравниться; ибо превратность щастія для него ешоль несносна, что онъ предпочелъ бы преждевременную смерть продолжительному гоненію фортуны. Когда приближася послѣдній часъ его жизни, то горестъ, тоска, что онъ сравнеться съ тѣми, которыхъ презиралъ, оставитъ безчисленные богатства, прекрасные звѣринцы, прелестные сады, увеселительные павильоны, огромные и великолѣпные замки; жестоко терзаетъ душу того, копорой съ жадностію желалъ его состоянія. Знаешь ли ты, что чѣмъ больше они имѣють, тѣмъ гораздо болѣе еще желаютъ имѣть.

Напротивъ того бѣдный и добрый человекъ, ограниченный въ сво-

ихъ желаніяхъ, не опасается ничего подобнаго. Доволенъ своимъ состояніемъ, безъ зависти и высокомерія, безъ нищеты и пышности, онъ старается только доставить довольное пропитаніе своему семейству, и раздѣляетъ съ нимъ труды и удовольствія. Зячленый въ кругу своемъ, онъ не стремится далѣе. Стократъ блаженнѣе въ своей бѣдной хижинѣ, нежели Цари на тронѣ; онъ вкушаетъ чистѣйшія удовольствія, и меньше чувствуетъ горести. Печали и неудовольствія убѣгають далеко отъ него: они не могутъ обитать въ его сердцѣ. Онъ находитъ лекарство въ пріятномъ препровожденіи времени, опъе тая всѣ непопозвопительныя желанія, влекущія за собою раскаяніе.

Всегдашнее здравіе, цвѣтущее на лицѣ его — душевное спокойствіе, сіяющее въ его взорахъ; раждающіеся отъ деревенской жизни, унижаютъ блѣдныя, болѣзненныя лица — пагубные плоды роскошныхъ столовъ.

Скажи мнѣ, не предпочитаешь ли ты самъ состояніе того, коимъ доставляешь все нужное своему семейству, и платишь малую только дань, которую онъ можетъ удобно снискать трудами рукъ своихъ? Гореспному щасію тѣхъ людей, которые должны впрое болѣе, нежели сколько имѣютъ, и которые, спрашась всегда заимодавцевъ, предаются въ опчаяніе, съ коимъ ничто не можетъ сравниться.

По крайней мѣрѣ ешьли пер-

вой по неизбежному злополучію
 приведенъ будешь въ вранность :
 то ему оспаются еще надежныя
 средства ; онъ наслаждается здоро-
 вьемъ , и можетъ пользоваться си-
 лою рукъ своихъ ; но ежели другаго
 поразитъ такой ударъ , тогда что
 можетъ помочь ? Не зная никакого
 ремесла , оставленъ друзьями , копо-
 рые любили богатства , теперь рас-
 точенныя , въ жестокомъ отчаяніи
 онъ скрывается отъ всѣхъ взоровъ ,
 и медленно умираетъ отъ стыда
 и горести , чтобъ не быть въ тя-
 гость шѣмъ , чрезъ которыхъ сдѣ-
 лался онъ игралищемъ , и отъ ко-
 торыхъ претерпѣваетъ онъ нена-
 вистное презрѣніе . Сколько онъ
 былъ въ щастіи любимъ , столько
 въ несчастіи будетъ ненавистенъ :

сколько онъ былъ надмѣнь и гордъ, столько будетъ подлъ и гнусенъ. Теперь принужденный раскаиваться въ прежнихъ своихъ поступкахъ; онъ не желаетъ уже быть такимъ, каковъ былъ прежде, и пропивъ воли своей испрашиваетъ помощи у простаго ремесленника, котораго онъ презиралъ такъ нагло на верху своего щастія. „

— — „Всѣ твои доказательства, другъ мой! ложны; будучи больше смѣлы, нежели остроумны, больше слабы, нежели убѣдительны; они не могутъ меня увѣрить, и я всегда такъ думаю, что Богъ твой несправедливъ, если бы въ самомъ дѣлѣ существовалъ, — Богъ, коюрой столько же можетъ быть во всеобщей гармоніи міра, какъ кругъ

можетъ быть четвероугольникомъ. „

— „Ужасное богохуленіе! мстительной небесной Перунъ поразилъ бы тебя въ сію минуту, когда бы вѣчное Правосудіе не было столь медлительно въ наказаніи, сколь Оно поспѣшно и благодѣтельно въ любви Своей! Какъ! Богъ не существуетъ! Ты не признаешь Его изъ всеобщей гармоніи, какъ, бытіе Его не яено! — Выйди изъ сей пещеры, обозри необозримое пространство сего лѣса, изчисли всѣ деревья — всѣ, которыя онѣ содержатъ листья, которыми покрыты ихъ вѣтви. Посмотри, какъ они всякой годъ возобновляются непремѣннымъ образомъ, и какъ времена года постепенно слѣдуютъ одно за другимъ: такъ, что зима никогда не занимаетъ мѣ-

это лѣта, и осень весны! Вообрази себѣ приливы и отливы морей, которые въ бурномъ стремленіи не дерзаютъ выйти изъ предѣловъ, назначенныхъ имъ Творцомъ природы. Посмотри на сіи безчисленные свѣтила, текущія въ стройномъ порядкѣ — на сіе пламенное солнце, оживотворяющее всю вселенную. Скажи имъ, какъ сіи невѣжды, которые, чтобъ доказать несуществованіе Превѣчнаго, приводящаго ихъ въ ужасъ, вымышляютъ тысячу системъ сколько безразсудныхъ, столько же и обманчивыхъ: изверженія огнедышащихъ горъ, частыя землетрясенія, которыя погубляютъ тысячи невинныхъ жертвъ, не свидѣтельствуютъ ли противъ Бога? Но ежелибъ сіи безбожные

хотя мало размыслили, то увидѣлибъ, что всѣ сїи произшествія служатъ въ доказательство бытія Его, потому что все это есть непремѣнный законъ природы, которое разрушилось бы безъ сихъ различныхъ перемѣнъ.

Я согласенъ, что шаковыя нещастія вперяющъ состраданіе, надлежишъ по справедливости оплакивать шаковыя бѣдствія; но должно ли въ наше утѣженіе порабощать Всемогущество, расстроивать порядокъ вселенной? И ежели ея законы непремѣнны, какъ и она: то не лучше ли сожалѣть о нѣкоторыхъ частныхъ потеряхъ, нежели о разрушеніи цѣлаго міра, отъ котораго мы исчезли бы въ неизмѣримомъ хаосѣ, изъ котораго мы въ-

ходимъ. Знаемъ ли мы непостижимыя таинства? Мы, которые не что иное, какъ миллионы насѣкомыхъ на малой песчинкѣ, теряющіеся въ безпредѣльномъ пространствѣ?,, — —

— „Я на сіе согласенъ: но позволь мнѣ только напомнить, что Самъ Богъ въ Священномъ Писаніи сказалъ нѣкогда, что первая обязанность чловѣка есть спараться о сохраненіи себя; ты не отвергаешь сего, не правда ли? — Да и что ты скажешь объ этомъ? — Ничего другаго, кромѣ того, что, послѣдую моему невѣдѣнію заповѣдей Божіихъ въ разсужденіи смерти, принужденный судьбою умереть съ голода, я долженъ взять хлѣбъ, гдѣ бы его ни нашель. — Богатой чловѣкъ встрѣчается со мною, это былъ

прекрасной случай; я остановилъ его, и опнявши все у него честнымъ образомъ, позволилъ ему изъ милосости продолжать дорогу. Признайся, я знаю, что ты хочешь мнѣ сказать, что это сдѣлано прошивъ совѣсти; однакожъ моя, сколько я помню, ничего мнѣ тогда не говорила; еще напротивъ я ввѣренно радовался, что сей щасливой случай сохранилъ жизнь мою. Правду сказать, когда мнѣ случилось умертвить одного путешественника; то при семъ случаѣ я почувствовалъ нѣчто подобное содроганію, котораго я не могу изъяснить. „

— „Какъ! и ты не устранился обагришь рукъ своихъ противъ не только тебѣ подобнаго, но еще и лучше тебя человека!... Ты мнѣ

Прежде говорилъ, что должно болѣе всего стараться о сохраненіи жизни, не наблюдая ни правилъ правосудія, ни выбора средствъ. Развѣ ты не признаешь сего закона, — закона существовавшего во всѣ времена, самою природою въ сердцахъ человеческихъ напечатлѣннаго : „Не дѣлай „шого другому, чего самъ себѣ не „желаешь? Ну! и ты конечно не желалъ бы быть подверженъ такой же участи, какъ и путешественникъ, а еще болѣе быть умерщвлен-нымъ. Изъ сего я заключаю, что ты, или самой безсовѣстной человекъ, или величайшій злодѣй.,

— „Такъ, насъ называютъ бродягами, потому что мы живемъ по лѣсамъ; но считаютъ за честныхъ людей самыхъ опаснѣйшихъ разбой-

никовъ, которыхъ преступленія гораздо важнѣе, — но которыхъ поступки не столько извѣстны; они избѣгаютъ казни, и сверхъ того пріобрѣтаютъ даже почести между тѣмъ, какъ насъ ожидаетъ эшафотъ, и земля разверзаетъ свои нѣдра, чтобы поглотить насъ прежде времени. Еслили хорошая добыча будетъ стоить намъ многихъ трудовъ, или будетъ сильно прошивиться, то смерть шуже минушу приведетъ того челоуѣка въ разсудокъ: но какъ ни говори, сіе число умирающихъ конечно меньше въ сравненіи съ тѣмъ, которое погибаетъ по повелѣнію тѣхъ, кои съ улыбкою взираютъ на бѣдствія ими учиненныя. „

— „Прекрасное разсужденіе! Достойное, чшобъ Родернодъ шому

повѣрилъ. Ахъ! ежели земля рождаетъ чудовищъ, то тебѣ одному предоставлена слава, не только ипши по слѣдамъ ихъ, — сравняться съ ними, — но даже превзойти ихъ въ лютоستي! — Средство сдѣлаться добродѣтельнымъ есть то, когда мы спремимся къ славѣ; я не скажу о порочномъ, но о знаменитомъ убійцѣ! И такъ человѣчество будетъ для тебя всегда чуждо! Ты навсегда погрязъ въ злодѣянїяхъ! Твое снисхожденїе ко мнѣ есть только хипрость, твой разговоръ одно притворство. Всякой разъ, полагаясь на согласїе твоего сердца, я вижу ясно, что щещно проходишь время, употребляемое мною, дабы извлечь тебя изъ ужасной пропасти, которая тебѣ столько нравится, и въ кото-

рой ты находишь безопасное для себя убежище! Ты своими насмѣшливыми ошвѣтами подтверждаешь чувство, приспойное по моему мнѣнiю однимъ убiйцамъ, — чувство такое, что когда уже однажды вселился гибельная склонность, имѣющая управляющая, то почти уже не возможно внимать спасительному гласу зовущаго насъ на путь истинны. Усилiя, употребляемая въ семъ случаѣ благородною душею, всегда почти тщетны. — Не изыскивая средствъ уверишь тебя въ моей ревности, я хочу просто сказать тебѣ предвѣщанiе, въ кошоромъ справедливая казнь тебя скоро уверишь. Придетъ время, когда гореть твоя никого не тронетъ, и живое раскаянiе будетъ очень поздно.

Высочайшее Существо, упом-
 ленное ужасными злодѣянїями, со-
 вершенными въ семъ мрачномъ жи-
 лыщѣ, изліетъ на тебя гнѣвъ Свой;
 ты испустишь духъ среди палачей,
 тщетно будешь изрыгать страшныя
 проклятія. „ — „ Не говори ничего мнѣ
 болѣе, ты хочешь устрашить меня
 казнїю, мое мужество истребило
 всякой ужасъ изъ моего сердца; ни
 страхъ, ни боязнь не могутъ овла-
 дѣть имъ; я хочу жить по своему,
 оставь меня. Еслили бы твоя душа
 была непоколебима, еслили бы ты имѣлъ
 довольно твердости, я склонилъ бы
 тебя жить съ нами — и принудилъ
 бы дать клятву никогда насъ не
 оставлять. Ты участвовалъ бы въ
 моихъ добычахъ, и былъ мнѣ рав-
 нымъ: веселая жизнь, какую мы

здѣсь проводимъ, какъ ты видишь, ни мало не презрительна, и имѣетъ свои пріятности. Если ты обещаешь, какъ честной человѣкъ, храбро вспомоществовать мнѣ во всѣхъ предпріятіяхъ, то я въ самую эту минуту разорву свои оковы. „

„Злодѣй, что дерзаешь ты мнѣ предлагать — мнѣ, которой клянеть жизнь твою, которой содрогается отъ ужасныхъ злодѣяній. — Ты съ такою наглостію предлагаешь мнѣ погубить честь мою — покрыть себя вѣчнымъ поношеніемъ, чтобы спасти остатокъ жизни, которую я презираю! Нѣтъ, нѣтъ, я не произнесу клятвы, принуждающей сохранять ненарушимо сіе гнусное обѣщаніе, противное честности.

Я знаю, что, нарушивъ свою

клятву, могъ бы легко обмануть себя и освободиться изъ сей темницы. — Мои уста въ пятьдесятъ лѣтъ не произносили никакой лжи; и хотя въ сихъ обстоятельствахъ, въ которыя приведенъ я судьбою, клятвопреступленіе могло бы быть просиительно; но я лучше умру, нежели соглашусь нарушить правду: Горбакъ никогда не лгалъ, онъ никогда не думалъ измѣнить своей честности и подражать себѣ. „ — Горбакъ! Небо! что я слышу? Это твое имя? Ты ли сынъ того Горбака, которой славился по всей Германіи, которой чрезъ приданъ лѣтъ наслаждался благодарностію своего опечества, которой женатъ былъ на сестрѣ моей матери? Ты мнѣ родственникъ, — я нашелъ своего двоюрод-

наго брата,,! — Такъ, я сынъ славнаго Горбака, я хвалюсь этимъ, но тебя не признаю за родственника, я вижу разбойника: — поди, несчастной, право! тебѣ приличнѣе говоришь о чести и славѣ., Слушай братъ, какъ скоро я тебя увидѣлъ, я почувствовалъ къ тебѣ сожалѣніе; мое сердце не обманулось, обними меня безъ околичностей., — Удались, я ненавижу, я гнушаюсь злодѣянїями, хотя ты и братъ мнѣ, — но я лучше желаю отъ тебя смерти, нежели дружества.

Но что меня болѣе всего поражаетъ, приносишь душѣ моей смертельной ударъ; это страданїя сей любезной дочери моего друга, подверженной опасности каждой часъ быть умерщвленной твоими сообщ-

никами. Естьли еще послѣдняя искра сожалѣнїя не погасла въ сердцѣ тво- емѣ, — естьли милосердіе можешь хо- шя нѣсколько проникнуть въ душу твою: то не именемъ Бога, котораго я призываю и котораго ты поносишь столь ужасно, не именемъ человѣ- чества, которое ты оскорбляешь, — котораго законы ты презрительно попираешь ногами, но закликаю те- бя красотою, къ которой имѣешь ты еще нѣкоторое уваженіе; осво- боди сію несчастную отъ оковъ гне- щущихъ нѣжнѣе ея плѣло. „

„Не безпокойся объ ней; она смир- на какъ овечка, естьли она охотно заплатитъ за любовь мою своими прелестями, то я прозакладую го- лову за ея вольность. — „Какъ! под- лый развращитель, ты хочешь...

„Нѣтъ, я хочу заслужить ея любовь, и попомъ ее освободить. Я запрещаю моимъ людямъ не дѣлать ей никакого вреда. — „Никакого вреда! — Вотъ гробъ, которой заключаетъ ее живую. „

Въ сію минуту пришелъ увѣдомить Родернода, чтобъ онъ былъ готовъ защищаться, и что войско расположилось въ окрестностяхъ лѣса. Онъ поспѣшно уходилъ, и спремился во всѣ опасности. Между шѣмъ увѣдомившей его разбойникъ схватываетъ сосудъ и напивается; — онъ идетъ къ Цефизѣ, къ которой долгое время горѣлъ сильною любовію, но присутствіе другихъ препятствовало гнусному его намѣренію. Съ ножемъ въ рукѣ приближается онъ, желая обнять ее; она его сильно

ошталкивается. Спирассть разбойника усиливается; онъ хочетъ употребить силу, она поднимаетъ крикъ, и разбойникъ въ бѣшенствѣ вонзаетъ ей ножъ въ сердце. Освѣдомясь о ложной тревогѣ имъ объявленной, товарищи его входятъ въ радости: Родернодъ за ними слѣдуетъ. Увидѣвъ издали распросертую женщину, пронзенную при ногахъ свирѣпаго, онъ приближается съ трепетомъ; онъ разсматриваетъ и поднимаетъ окровавленное покрывало Цефизы. Гнѣвъ и отчаяніе его были неописанны. — Онъ испускаетъ ужасной вопль, и произноситъ страшныя проклятія. Съ пылающими отъ ярости взорами онъ сѣлъ возлѣ нее — и его товарищи увидѣли въ первой разѣ убійцу, плачущаго о убійствѣ.

Приносили жалобы въ Ринсельдѣ
 о шѣхъ бѣдствіяхъ, которымъ под-
 вергались путешественники. Давно
 уже жипели просили войска у Пра-
 вительства для точнаго осмотра
 всего Чернаго лѣсу. Ихъ выслуша-
 ли съ благосклонностію, однако не
 удовлетворили ихъ справедливымъ
 и сильнымъ прозьбамъ. Наконецъ
 военная команда, гдѣ служили два
 мои сына, получаетъ повелѣніе оп-
 правиться въ сіе опасное мѣсто.
 Взшедши въ лѣсъ, они осматрива-
 ли всѣ мѣста, и ничего не видали,
 кромѣ деревъ и кустарниковъ. Ме-
 жду шѣмъ, какъ они разошлись не
 много, одинъ солдатъ нашелъ мѣ-
 сто, гдѣ примѣшилъ куски сруб-
 леннаго дерева и поваленныя
 деревья, онъ осматривается,

видишь на свѣжей еще землѣ слѣды челоуѣка. По симъ слѣдамъ онъ не сумнѣвается найти предметъ своихъ поисковъ. Не много далѣе видишь онъ ращелины, слышишь шумъ, слушаешь со вниманіемъ, и махаешь рукою, чтобы всѣ наблюдали глубокое молчаніе: тогда явно слышали крики разбойниковъ.

Солдаты окружили пещеру со всѣхъ сторонъ, но никто не смѣлъ войти первой; старшій сынъ мой презираешь всякую опасность, и тотчасъ бросается въ пещеру, но онъ палъ мертвъ отъ ружейнаго выстрѣла. Его братъ хотѣлъ опуститься за него, но пуля попадаетъ ему въ лѣвую ногу. Тогда гнѣвъ воспламенилъ всѣхъ: они усуремляются на злодѣевъ, которые спа-

раются уйти другимъ выходомъ, но тщетно; наконецъ всѣ злодѣи скованы. Солдаты прибѣгаютъ къ Горбаку, чтобы освободить его. Онъ обнимаетъ ихъ плача отъ радости, и ведетъ къ тому мѣсту, гдѣ была моя дочь... О зрѣлище! О неслыханная свирѣпость! Онъ опскакиваетъ отъ удивленія и ужаса, и испускаетъ вопль. „Боже мой! Варвары ее умертвили. „ Не смотря на свою чрезвычайную горестъ, онъ повелѣваетъ вынести ее изъ пещеры, чтобы отдать послѣдній долгъ.

Когда выносили ее, мой младшій сынъ слѣдовалъ за нею. Онъ видитъ блѣдное лице ея, узнаетъ сестру свою. Это она! это она! вскричалъ онъ, и упалъ въ обморокъ. Горбакъ приказываетъ нести ко мнѣ

Умерщвленныхъ дѣшей. Солдаты приходяшъ . . . Ахъ! я падаю безъ чувствъ при семъ лютомъ зрѣлищѣ: кто могъ бы устоять противъ сего убивающаго удара? Должно ли было найсти моего прежняго друга, и лишиться на вѣки моихъ дѣшей. Великій Боже! Кто можешь лучше меня знать, какъ этотъ случай перзаесть сердце нѣжнаго родителя.

Давши свободное теченіе слезамъ моимъ, я вскричалъ прерывающимся голосомъ: Дѣши мои, любезные дѣши! Цефиза! — Милая моя Цефиза! Въ послѣднее уже я васъ обнимаю! Я болѣе не увижу васъ! Должно ли было вамъ умереть. Должно ли, чтобъ смерть васъ похитила въ сихъ нѣжныхъ лѣтахъ, между шѣмъ какъ отецъ вашъ, обремененный зло-

получаемъ и старостию, живъ еще. Разверзись земля, и поглотитъ несчастнаго старца. »

Два тѣла погребены были близъ моего дома, простой памятникъ стоитъ на гробѣ ихъ. Черезъ три дня, в другой сынъ умираетъ отъ своей раны среди ужаснѣйшихъ страданій.

Чудовища брошены въ тюрьму, и осуждены погибнуть въ лютыхъ мученіяхъ. Прежде казни Родернодъ говорилъ важнымъ голосомъ собравшемуся народу: „ Я родился не для беззаконія, мое сердце было сего чуждо. Нужда и примѣръ сдѣлали меня разбойникомъ. Безразсудство овладѣло мною въ юности, и пагубныя слѣдствія, которыхъ я не могъ избѣгнуть, ободрили меня къ зло-

дѣянїямъ ; я не спашилса ничего болѣе, я искренно въ томъ каюсь. Я заслужилъ смерть, я это знаю, я ее ожидаю. Да будетъ она полезна, которой покусилса бы мнѣ подражать. — Палачь сіе подтвердилъ.

Одно утѣшенїе мнѣ оставалось, что Горбакъ основалъ свое жилище въ моемъ домѣ. Но всѣ его усилїя, чтобы утишить мою печаль, всѣ его старанїя, чтобы залечить мою рану, сдѣлались безплодны. Я желалъ смерти — и не могъ умереть. Я мало принималъ пищи, спалъ еще менѣе, и мое изсохшее тѣло представляло отвратительной скелетъ. Я рѣдко выходилъ, и когда случалося мнѣ взглянуть на горестной памятникъ, я тогда плакалъ, кричалъ какъ нѣжная мать,

у которой вырываютъ изъ рукъ ея дитя. Иногда я походилъ на сумасшедшаго, и въ безпамятствѣ проклиналъ своего друга, который все сіе сносилъ очень терпѣливо.

Всѣ злополучія, всѣ бѣдствія, самыя нечеловѣчныя для чувствительнаго сердца, на меня обратились. Я все претерпѣлъ: голосъ страстей моихъ умолкъ; я сдѣлался ко всему нечувствительнымъ: но я долженъ былъ подвергнуться новымъ несчастіямъ; — наконецъ вся ярость жестокой судьбы излилась на несчастнаго старца. Горбакъ около двухъ недѣль жаловался на жестокою боль во всемъ тѣлѣ. — Прискорбное слѣдствіе его започенія нечувствительно изнурило моего друга: онъ очевидно слабѣлъ. Я

Предвидѣль, что скоро — скоро
разлучусь съ нимъ навѣки.

Такъ! я въ послѣдній разъ видѣль
моего друга; онъ собралъ всѣ силы,
чтобы встать на постелѣ, и обнялъ
меня въ послѣдній разъ. — Я его
лишился. Сей рѣдкой человекъ,
примѣръ въ добродѣтели, образецъ
великихъ сердецъ, превосходной
другъ, оставилъ сей свѣтъ съ швер-
достью Героя и надеждою мудраго.
Теперь въ изнеможеніи души, въ
горести, съ разшарваннымъ сердцемъ,
гошовой испустить послѣднее ды-
ханіе, я прошивлюсь всѣмъ болѣ-
знямъ безъ ослабленія шѣла; но я
предчувствую, что судьба скоро
расторгнетъ цѣпи меня угнетаю-
щія. Пусть сіе желаніе, питаемое
надеждою и укрѣпляемое ожидані-

емъ, столь драгоценное для моего спокойствія и нужное для моего счастья, нравишься тому, который по своей волѣ распоряжаетъ всѣмъ производствіемъ.

Я хочу возвратиться, и себя заключить въ горестномъ моемъ жилищѣ; я выходилъ изъ него, чтобы удалиться въ средину дремучаго лѣса, и бродилъ тамъ въ уединеніи съ жестокииъ ощущеніемъ въ душѣ своей. ,

Такимъ образомъ онъ окончилъ печальную свою исторію, и въ продолженіи ея часто горькія слезы орошали лице старика, — слезы, исторгнушыя воспоминаніемъ о его бѣдствіяхъ. Рыданія часто прерывали его повѣсть, и я самъ содрогался отъ ужаса. Тамъ обнявъ его

сердечно, я изъяслялъ ему все уваженіе, которое имѣлъ къ старикамъ, особливо къ шѣмъ, коихъ угнетеніе бремя злополучія. Потомъ я расстался съ симъ человекомъ, коего горестная и ужасная исторія наполнила живѣйшимъ со-страданіемъ мое сердце.

К о н е ц ъ.

